

государственной политики (уголовно-правовой политики). Пересечение философского понимания о добре и зле и его политическая оценка формируют представление о Преступном.

Философия, политика и государство имеют длительную историю, чего нельзя сказать о Преступном, которое в условиях традиционного общества не могло формироваться, поскольку такое общество было сакральным по своей сути. Наличие зла объяснялось по-разному, но оно прямо не проистекало из природы человека. Только в Новое время, когда в философии и политике произошли коренные трансформации и парадигма человека сменилась парадигмой индивидуума, понятие зла приобрело иной смысл. Именно в условиях профанного общества сформировалось Преступное и, следовательно – современное представление о понятии преступления.

На осмыслении Преступного существенно влияет доминирующий в обществе тип правопонимания. Тип правопонимания как парадигма познания права – это теоретико-методологический подход к формированию образа права и пониманию его сущности; он осуществляется с позиций того или иного теоретического видения проблемы в рамках определенной методологии анализа. С учетом того, что пока нет однозначного ответа на вопрос, что является правом, то, разумеется, в раскрытии понятия правопонимания и классификации его типов единство также отсутствует.

Кроме обозначенных факторов, на формирование понимания Преступного влияют тип научной рациональности, преобладающие в обществе идеология и отношение к религии. Совокупность указанных и иных менее значимых, но также важных обстоятельств определяет понимание Преступного, из которого в свою очередь формируется понятие преступления.

1. Шапиев, С.М. Преступность и общество (криминологическое и теоретико-прикладное исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / С.М. Шапиев. – СПб., 2000. – 450 с.

2. Основания уголовно-правового запрета (криминализация и декриминализация) / В.Н. Кудрявцев [и др.] ; отв. ред. В.Н. Кудрявцев, А.М. Яковлев. – М. : Наука, 1982. – 303 с.

3. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа. – М. : НКЮ СССР, 1939. – 463 с.

4. Волженкин, Б. В. Эволюция уголовного законодательства / Б. В. Волженкин // Современные проблемы и стратегия борьбы с преступностью / науч. ред. В.Н. Бурлаков, Б.В. Волженкин. – СПб. : Издат. Дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2005. – 592 с.

5. Ферри, Э. Уголовная социология / Э. Ферри / сост. и предисл. В.С. Овчинского. – М. : ИНФРА-М, 2005. – 658 с.

6. Трайнин, А.Н. Система общей части уголовного права / А.Н. Трайнин // Совет. государство и право. – 1946. – № 5–6. – С. 8–21.

7. Реунов, В.П. Типы правопонимания и проблема источников и форм права / В.П. Реунов // Вестн. Перм. ун-та. – 2010. – № 2 (8). – С. 54–70.

8. Соловьев, В. Право и нравственность / В. Соловьев. – Минск : Харвест. – М. : АСТ, 2001. – 190 с.

9. Фуко, М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы / М. Фуко / пер. с фр. В. Наумова ; под ред. И. Борисовой. – М. : Ad Marginem, 1999. – 478 с.

10. Кристи, Н. Причиняя боль. Роль наказания в уголовной политике / Н. Кристи; под общ. ред. Я.И. Гилинского; пер. с англ. В.М. Когана, Л.И. Альперн ; под ред. А.М. Яковлева ; вступ. ст. А.М. Яковлева и В.М. Когана, пред. Х. Зера. – СПб. : Алетейя, 2011. – 164 с.

11. Савенок, А.Л. Человек в уголовном праве, или Об антропологической недостаточности уголовно-правового регулирования / А.Л. Савенок // Этические и антропологические характеристики современного права в ситуации методологического плюрализма : сб. науч. тр. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; под общ. ред. В.И. Павлова, А.Л. Савенка. – Минск : Акад. МВД, 2015. – 243 с.

12. Кристи, Н. Борьба с преступностью как индустрия. Вперед, к Гулагу западного образца / Н. Кристи ; пер. с англ. А. Петрова, В. Покровской ; предисл. Я.И. Гилинского. 2-е изд. – М. : РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2001. – 224 с.

13. Савенок, А.Л. В поисках Преступного / А.Л. Савенок // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для органов внутренних дел : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 3 апреля 2015 г. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; отв. ред. А.В. Яскевич. – Минск, 2015. – 394 с.

УДК 343.2.7

Э.А. Саркисова, Д.В. Шаблинская

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ КАК НАУЧНАЯ КАТЕГОРИЯ И ПРАВОВОЕ ЯВЛЕНИЕ

В уголовно-правовой литературе современного периода актуализировались исследования сложной и многогранной научной категории «уголовно-правовое воздействие». Однако, несмотря на активную разработку проблем уголовно-правового воздействия советскими и российскими учеными, многие аспекты данной научной проблемы не имеют единообразного решения. В белорусском праве уголовно-правовое воздействие как феномен, рассматриваемый в контексте общих, концептуальных вопросов, касающихся его понятия и сущности, содержания, механизма, объекта, субъектов и т. д., относится к числу наименее разработанных, чего нельзя сказать о конкретных мерах уголовно-правового воздействия. Отечественные исследователи Т.П. Афонченко, Л.В. Багрий-Шахматов, М.А. Ефимов, С.В. Казак, И.В. Кучвальская, А.И. Лукашов, Е.В. Новикова, Г.Н. Серeda, И.М. Сеница, В.И. Степаненко, Т.Г. Хатеневич, В.М. Хомич, В.Б. Шабанов, А.В. Шидловский и др. рассматривали и продолжают глубоко изучать проблемы уголовной ответственности и, в частности, наказания.

Одними из первых белорусских ученых, кто обратил внимание на уголовно-правовое воздействие как предмет научного познания, были авторы статьи, в первую очередь Э.А. Саркисова. Ее идеи и теоретические разработки позволили обосновать актуальность и необходимость проведения исследований в данной области, благодаря чему тема «Уголовно-правовое воздействие и механизмы его реализации в свете современных тенденций уголовной политики и защиты национальных интересов» избрана научными сотрудниками Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь для выполнения в рамках подпрограммы 5 «Право» Государственной программы научных исследований на 2016–2020 гг. «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества». Проведенное в 2016 г. коллективным ученых, включая авторов статьи, исследование теоретических подходов к пониманию уголовно-правового воздействия и его механизма позволило сформулировать ряд заключений и научных гипотез, которые могут составить основу дальнейших размышлений об уголовно-правовом воздействии. Данные результаты вынесены для обсуждения в рамках настоящей статьи.

Как уже отмечалось, уголовно-правовое воздействие как объект познания и правовая категория не является новым для уголовно-правовой науки. Первенство в разработках проблем уголовно-правового воздействия принадлежит советским [1 и др.], позднее российским ученым, издавшим научные труды, посвященные указанному феномену, рассматриваемому в различных аспектах, начиная с общих концептуальных вопросов, касающихся его понятия и сущности, содержания, механизма, объекта, субъектов и т. д., и заканчивая уголовно-правовой оценкой конкретных мер, объединяемых данным понятием. Здесь следует отметить исследования М.В. Бавсуна, Ю.В. Грачевой, С.П. Донца, В.К. Дуюнова, Г.А. Есакова, В.М. Когана, Н.М. Кропачева, В.Н. Кудрявцева, Н.А. Лопашенко, Е.В. Лысенко, Т.Г. Понятовской, В.С. Прохорова, А.И. Рарога, А.И. Чучаева, П.А. Фефелова, В.Д. Филимонова, А.П. Фирсовой и др. авторов.

Стимулом к актуализации данной проблемы в современной российской науке уголовного права явились, на наш взгляд, новеллы уголовного законодательства, касающиеся регламентации иных мер уголовно-правового характера, юридическая природа которых определяется неоднозначно и противоречиво. Так, обращаясь к уголовно-правовому воздействию и пытаясь определить его понятие, объект и механизм, российские ученые А.И. Чучаев и А.П. Фирсова связали актуальность темы с дополнением в 2006 г. Уголовного кодекса Российской Федерации разд. VI «Иные меры уголовно-правового характера», что обозна-

чило, на их взгляд, легальную тенденцию к дифференцированному реагированию на общественно опасное деяние [2, с. 3].

Полагаем, такая преамбула и предопределила освещение вопросов о понятии и сущности уголовно-правового воздействия. Авторы не пошли по пути чрезмерно широкого понимания данного феномена, хотя отметили, что все более частое использование в юридической литературе терминов «уголовно-правовое воздействие», «система мер уголовно-правового воздействия» и т. п. свидетельствует о стремлении ученых к комплексному познанию правовых явлений (ученые задаются вопросами о факторах, объединяющих наказание и иные меры уголовно-правового характера, их природе, различиях, правовом регулировании и правоприменении). Иными словами, авторы взяли за основу своего исследования оценку признаков мер уголовно-правового воздействия (характера), пытаясь найти у них общее и особенное, при этом большое внимание уделив вопросу соотношения данных мер и мер государственного принуждения. Подробно разобрав признаки мер уголовно-правового характера, авторы пришли к выводу, что эти меры синонимичны мерам уголовно-правового воздействия, но новый термин является более удачным в силу конкретности, отражает целостность явления, полнее определяет его правовую природу [2, с. 27]. Фактическим основанием применения указанных мер авторы считают преступное деяние, содержащее все признаки состава преступления, а также объективно противоправное деяние, совершенное лицом в состоянии невменяемости. Все сказанное позволило авторам определить уголовно-правовое воздействие как основанное на уголовном законе принуждающее влияние, применяемое государством в ответ на совершение запрещенных УК РФ общественно опасных деяний в целях их специального предупреждения.

Возвращаясь к причинам актуализации научного интереса к категории уголовно-правового воздействия, отметим, что активизация обращения к данному феномену может быть связана с «отпочковыванием» его от уголовно-правового регулирования. Так, Н.А. Лопашенко считает, что именно термин «уголовно-правовое воздействие» в большей степени охватывает сразу и уголовное право, и уголовное законодательство, и уголовно-правовую политику как основополагающие элементы, аккумулирующие в себе понятия преступного и наказуемого и всего, что с ними связано. Уголовно-правовое регулирование, по мнению Н.А. Лопашенко, более узкое понятие [3, с. 7]. Тем не менее уголовное право, уголовный закон и принципы уголовного права ученый рассматривает не как уголовно-правовое воздействие как таковое, а в качестве его основы. Примечательно и то, что автор, различая понятия правового воздействия и правового регулирования, полагает, что лю-

бое правовое регулирование есть и правовое воздействие, но не любое правовое воздействие есть правовое регулирование [3, с. 34].

Российский ученый С.П. Донец склонен рассматривать уголовно-правовое воздействие как средство уголовно-правового регулирования [4]. При этом он исследует и средства уголовно-правового воздействия, отождествляя их с мерами уголовно-правового характера, когда речь идет о таковых в узком смысле. В широком смысле средства уголовно-правового воздействия предлагается понимать как набор определенных элементов механизма правового регулирования [4, с. 84]. Но, безусловно, автор, на наш взгляд, прав, считая, что природа уголовно-правового воздействия может быть определена путем выявления сущности самих мер [4, с. 85].

Еще в трудах советских ученых уголовно-правовое воздействие изучалось преимущественно в связи с уголовно-правовым регулированием. При этом за основу принималась позиция теоретиков права, согласно которой под правовым регулированием понималось осуществление при помощи правовых средств воздействия (результативного, нормативно-организационного) на общественные отношения [5, с. 211].

В научной литературе уголовно-правовое регулирование, как правило, анализируется через уголовную ответственность и уголовное правоотношение. Например, Н.М. Кропачев, В.С. Прохоров, А.Н. Тарбагаев, исследуя механизм уголовно-правового регулирования, рассматривают нормы уголовного права, уголовно-правовые отношения и уголовную ответственность в качестве основных звеньев такого механизма [6]. О воздействии говорится тогда, когда речь идет о том, как воздействует уголовно-правовая норма на общественные отношения в едином регулятивно-охранительном процессе [6, с. 4]. Н.М. Кропачев указал, что уголовно-правовое воздействие на общественные отношения можно рассматривать как частный случай общесоциального регулирования и вместе с тем как системное единство его собственных уголовно-правовых элементов [7, с. 4].

В науке правовое регулирование определяется на основе толкования слова «регулирование» при наполнении его социально-правовым содержанием. Известный советский теоретик С.С. Алексеев определил правовое регулирование как осуществляемое при помощи системы правовых средств (юридических норм, правоотношений, индивидуальных предписаний и др.) результативное, нормативно-организационное воздействие на общественные отношения с целью их упорядочения, охраны, развития в соответствии с общественными потребностями [8, с. 145]. Белорусские ученые-теоретики определили правовое регулирование как воздействие норм права на поведение людей посредством

юридических способов и средств с целью упорядочения и совершенствования общественных отношений [9, с. 395].

Таким образом, в науке встречаются определения правового регулирования через термин «воздействие» и, наоборот, определения правового воздействия как частного случая регулирования, а также подходы, отражающие их отождествление. При формулировании собственной позиции по данному вопросу следует учесть, что современное понимание уголовно-правового воздействия и его механизма весьма отличается от общетеоретических постулатов, содержащихся в трудах советских ученых в области уголовного права. Казалось бы, уголовно-правовое воздействие – наиболее емкая категория в уголовном праве. Однако это было лишь до того момента, пока уголовная ответственность понималась как единственно возможная реакция государства на совершенное преступление. Как только российскими учеными был выдвинут и обоснован тезис о том, что понимание государственного принуждения, представляющего собой правовые последствия совершения общественно опасного деяния, не исчерпывается уголовной ответственностью [3; 10; 11 и др.], возникла необходимость в научной категории, объединяющей в себе данные правовые последствия. И в данном качестве выступило «уголовно-правовое воздействие», наполненное определенно новым содержанием. Иными словами, частные вопросы, касающиеся конкретных мер уголовно-правового характера, стимулировали подход к более общей научной проблеме – самому уголовно-правовому воздействию, определению путей его эффективности в сфере противодействия преступности уголовно-правовыми средствами. Немаловажное значение такого исследования состоит и в существенном повороте к человеку, воздействию которого он вынужден испытывать в силу своего неправомерного поведения, более четкой регламентации его правового статуса, уточнении и расширении его прав как субъекта уголовно-правовых отношений.

Следовательно, современная трактовка категории «уголовно-правовое воздействие» более узка, чем уголовно-правовое регулирование, в противовес тем общетеоретическим подходам, в соответствии с которыми, наоборот, правовое регулирование определяется в качестве одной из форм правового воздействия.

Действительно, об уголовно-правовом воздействии теперь говорят все больше в узком смысле, акцентируя лишь те меры уголовно-правового характера, которые призваны воздействовать на лицо, совершившее общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом. С учетом вышеизложенного авторское определение уголовно-правового воздействия, разработанное Э.А. Саркисовой и поддержанное соавтором статьи, выглядит следующим образом. Уголовно-пра-

вовое воздействие – это система предусмотренных уголовным законом мер и средств правоограничительного характера, направленных на обеспечение задач уголовного права и достижение поставленных и законодательно закрепленных целей. При этом меры и средства уголовно-правового воздействия выступают в качестве необходимого компонента такового, его содержательной стороной. Данное определение взято за основу при выполнении указанной выше темы НИР.

Высказав позицию о понимании уголовно-правового воздействия, мы вынуждены обратиться к его содержанию. С учетом положений действующего уголовного закона только наказание и иные меры уголовной ответственности, которые могут быть применены к лицам, совершившим преступления, а также принудительные меры безопасности и лечения могут быть однозначно определены как меры уголовно-правового воздействия. Все иные меры, к сожалению, не имеют в УК четко обозначенного правового статуса и содержания. В этой связи в научной литературе выражено мнение об отсутствии необходимости выделения иных, помимо наказания, мер уголовно-правового воздействия. Данный подход схематично можно определить следующим образом: уголовно-правовое воздействие = меры уголовной ответственности (либо вообще только наказание). Например, Е. В. Благов обосновывает, что «помимо наказания за совершение преступления, скорее всего, ничего не подлежит применению. Зато в уголовном законодательстве достаточно того, что применяется в связи с совершением преступления, являясь его последствием» [12, с. 136]. Исследуя принудительные меры медицинского характера и конфискацию имущества, определенные в 2006 г. законодателем Российской Федерации в разд. VI УК в качестве иных мер уголовно-правового характера, Е.В. Благов подчеркивает их неуголовно-правовую природу: «Они содержатся в уголовном законодательстве не более чем по традиции. ...Само по себе наличие и соответствующее обозначение какой-то меры в Уголовном кодексе еще не определяет ее правовую и уголовно-правовую природу. ...При этом выводы относительно природы принудительных мер медицинского характера и конфискации имущества остаются неизблемыми. Их изучение в рамках уголовного права – дело вынужденное, обусловленное современной позицией законодателя» [12, с. 136–137]. Аналогичной позиции придерживается А.А. Пропостин, рассматривая конфискацию как имущественную меру криминологической безопасности. Ученый предлагает отнести данную принудительную меру к той части политики борьбы с преступностью, которая именуется превентивной (некарательной) политикой, и закрепить ее в качестве меры безопасности в отдельном федеральном законе, имеющем административно-правовую природу [13, с. 228].

В уголовно-правовой науке разрабатывается и противоположный подход, в рамках которого предлагается вообще отказаться от термина «уголовная ответственность», убрав его из уголовного законодательства. Например, Н.В. Щедрин, предлагает использовать вместо этого понятия обобщающие термины «уголовно-правовое воздействие», «меры уголовно-правового характера» или просто «уголовно-правовые санкции» [11]. Позиция, обосновываемая Н.В. Щедриным, не находит поддержки. Мы не стали бы отказываться от уголовной ответственности, ведь это приведет к коренной ломке и уголовного права, и уголовного процесса. Это противоречит и общетеоретическому пониманию принуждения в праве. Более того, уголовная ответственность имеет настолько специфические черты по сравнению с иными мерами уголовно-правового воздействия (особенно основная форма ее реализации), что будет весьма сложно категоризировать, например, наказание наравне с иными мерами уголовно-правового воздействия в качестве однопорядковых мер.

Мы не разделяем и мнение о том, что уголовно-правовое воздействие исчерпывается мерами уголовной ответственности. Результаты исследований современных ученых в области уголовного права свидетельствуют, что уголовная ответственность является лишь одной из мер государственного принуждения (а не единственно возможной). Это характерно для иных отраслей права, это следует из положений общей теории права. Так, С.С. Алексеев наряду с мерами ответственности выделяет государственно необходимые, профилактические и предупредительные меры [14, с. 269–270], меры защиты субъективных прав и обеспечения исполнения юридических обязанностей (кратко: «меры защиты») [14, с. 188]. В.Д. Ардашкин делит государственно-принудительные меры по способам принуждения на превентивные средства, меры защиты, принудительные процессуальные действия и меры юридической ответственности [16, с. 36].

Таким образом, нами воспринят подход, что уголовно-правовое воздействие, будучи сложным явлением, объединяет в себе функционально различные меры государственного принуждения. Однако мерам уголовной ответственности (в первую очередь наказанию) в системе мер уголовно-правового воздействия мы определили бы доминирующую, исключительную роль как наиболее строгим мерам государственного принуждения. Весьма широкий спектр мер уголовно-правового воздействия, закрепленных в УК, требует осмысления их юридической природы, определения разграничительных признаков, установления оснований и условий применения на основе четкого соблюдения принципа справедливости, определения путей повышения их практической значимости и отдачи.

В заключение отметим, что сейчас представляется более предпочтительным, на наш взгляд, исследование феномена «уголовно-правовое воздействие» в узком смысле – по принципу от частного к общему. В этой связи под уголовно-правовым воздействием мы понимаем систему предусмотренных уголовным законом мер и средств правоограничительного характера, направленных на обеспечение задач уголовного права и достижение поставленных и законодательно закрепленных целей. При этом меры и средства уголовно-правового воздействия выступают в качестве необходимого компонента такового, его содержательной стороной. Именно исследование мер, применяемых к лицам, совершившим общественно опасные деяния, предусмотренные уголовным законом, их содержания и характера позволит представить представление об уголовно-правовом воздействии как системообразующем институте, определить его сущность, содержание, механизм, соотносить его с уголовно-правовым регулированием, уголовной политикой и уголовной ответственностью как стержневыми понятиями уголовного права и, возможно, выйти на иное, широкое понимание уголовно-правового воздействия.

1. Коган, В.М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия / В.М. Коган. – М. : Наука, 1983. – 184 с.
2. Чучаев, А.И. Уголовно-правовое воздействие : понятие, объект, механизм, классификация / А.И. Чучаев, А.П. Фирсова. – М. : Проспект, 2010. – 320 с.
3. Лопашенко, Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика / Н.А. Лопашенко. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 339 с.
4. Донец, С.П. Квалифицированные и привилегированные составы преступлений в системе уголовно-правового воздействия / С.П. Донец. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 208 с.
5. Алексеев, С.С. Общая теория права : учебник. – 2-е изд. / С.С. Алексеев. – М. : ТК «Велби», Проспект, 2008. – 576 с.
6. Кропачев, Н.М. Механизм уголовно-правового регулирования. Норма, правоотношение, ответственность / Н.М. Кропачев, В.С. Прохоров, А.Н. Тарбагаев. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. – 208 с.
7. Кропачев, Н.М. Механизм уголовно-правового регулирования : автореф. ... дис. д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Н.М. Кропачев. – СПб., 2000. – 59 с.
8. Алексеев, С.С. Теория права / С.С. Алексеев. – М. : БЕК, 1993. – 223 с.
9. Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права : учебник / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский ; под ред. В.А. Кучинского ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск, 2013. – 479 с.
10. Калинина, Т.М. Иные меры уголовно-правового характера: проблемы теории, законодательного регулирования и практического применения / Т.М. Калинина. – М. : Юрлитинформ, 2014. – 288 с.
11. Щедрин, Н.В. «Четырехколейная» модель российского уголовного права / Н.В. Щедрин // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели : материалы VII Рос. конгресса уголовного права, Москва, 31 мая – 1 июня 2012 г. – М., 2012. – С. 309–317.
12. Благов, Е.В. Наказание и иные меры уголовно-правового характера : лекции / Е.В. Благов. – М. : Юрлитинформ, 2011. – 238 с.

13. Пропостин, А.А. Конфискация имущества: прошлое, настоящее, будущее / А.А. Пропостин. – М. : Юрлитинформ, 2011. – 264 с.
14. Алексеев, С.С. Общая теория права : в 2 т. / С.С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1981–1982. – Т. 1. – 360 с.
15. Алексеев, С.С. Общая теория социалистического права : курс лекций : учеб. пособие : в 4 вып. / С.С. Алексеев ; ред. Г.И. Петрищева ; Свердл. юрид. ин-т. – Свердловск, 1964. – Вып. 2 : Нормы права и правоотношения. – 1964. – 226 с.
16. Ардашкин, В.Д. О принуждении по советскому праву / В.Д. Ардашкин // Совет. государство и право. – 1970. – № 7. – С. 36.

УДК 340.1

Е.В. Семашко

СПРАВЕДЛИВОСТЬ ПРАВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Стремление к обеспечению требований справедливости в общественных отношениях – это одна из вечных идей и желаний человечества. Она представляет собой категорию общественного сознания и общечеловеческую ценность, основополагающую идею правовой системы любого демократического правового государства. Являясь частью морально-нравственной и правовой культуры, справедливость выступает критерием оценки состояния общественного развития. Вместе с тем нет более неопределенной оценочной философско-правовой категории, через сущность которой рассматривалось бы качество принимаемых государством правил поведения.

Справедливость обычно полагается внутренним свойством и качеством права в целом. Из этого следует, что каждая отдельно взятая норма права обязана отвечать требованиям справедливости. Исследователями неоднократно отмечалось, что понятие справедливости по возможности должно быть предельно формализовано – по крайней мере, для практической юриспруденции, чтобы его можно было использовать в процессе нормотворческой деятельности. Однако в содержательном аспекте справедливость не может быть определена однозначно. Речь может идти лишь о формальной справедливости (установление равного масштаба к разным людям, равенство всех перед законом, законность и т. д.). Современное соотношение права и справедливости осложняется еще и тем, что общественное развитие утратило свою спокойную поступательность.

Текущий период развития общественных отношений называют эпохой глобальной нестабильности. Начался этот этап развития для постсоветских государств с начала 90-х гг. прошлого века, но и для